



ЦЗЭН
ПУ

ЦВЕТЫ В
МОРЕ ЗЛА

NEOCLASSIC
ПРОЗА ВОСТОКА

18+

Neoclassic проза Востока

ЦЗЭН Пу

Цветы в море

«Издательство АСТ»

1905-1930

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

Пу Ц.

Цветы в море / Ц. Пу — «Издательство АСТ»,
1905-1930 — (Neoclassic проза Востока)

ISBN 978-5-17-176170-7

Китай на рубеже XIX и XX веков переживал сложное время: династия Цин, властвовавшая несколько столетий, доживала свои последние дни, страну со всех сторон атаковали колонизаторы, что привело к многочисленным войнам и народным восстаниям. В центре повествования сатирического романа «Цветы в море зла» история жизни влиятельного чиновника-дипломата Цзинь Вэньцина и его наложницы Фу Цайюнь. Цзэн Пу откровенно смеется над нравами правящей элиты, которая в XX веке все еще выбирает счастливый день для решения государственных вопросов, показывает разврат и продажность, зашоренность и казнокрадство, которые опутали императорский двор...

УДК 821.581-31

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-176170-7

© Пу Ц., 1905-1930

© Издательство АСТ, 1905-1930

Содержание

Цветы и сорняки	6
Глава первая. Волны, ринувшись на сушу, в одно мгновение затопляют остров Радость рабов. Автора просят описать судьбу цветка свободы, отразив ее в событиях тридцати лет	16
Глава вторая. Лу Жэньсян посещает роскошный пир в Сучжоу. Цзинь Вэньцин, возвращаясь домой, остается погостить в Шанхае	21
Глава третья. Английское консульство устраивает выставку цветов. Гун Сяоци рассказывает о красавице Си Линьчунь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Цзэн Пу

Цветы в море зла

Перевод с китайского *В. Семанова*

Стихи в переводе *И. Голубева*

© Перевод. В. Семанов, наследники, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Цветы и сорняки

Перед нами известный в Китае роман, написанный в начале XX века. К тому времени в стране уже два с половиной столетия властвовала династия Цин, основанная северным племенем маньчжуров, которых китайский народ по-прежнему воспринимал как иностранцев. За время своего правления маньчжуры лишь усилили феодальный гнет. Кроме того, в XIX веке страну начали осаждать европейские, американские, японские колонизаторы, что привело к так называемым опиумным войнам, тайпинскому восстанию, франко-китайской и японо-китайским войнам, боксерскому восстанию и многим другим потрясениям¹. На рубеже веков в Китае возникло реформаторское, а затем и революционное движение, отчасти вдохновленное опытом освободительной борьбы в России.

Первые китайские революционеры под руководством Сунь Ятсена нередко пускали стрелы в маньчжурский режим из эмиграции, где цензурные условия, конечно, были легче. Но до сих пор достойна удивления дерзость, с какой в 1905 году, перед самым образованием суньятсеновского Объединенного союза, небольшое издательство «Лес прозы» («Сяошю линь»), находившееся внутри Китая, начало издание за изданием публиковать роман, в котором прославлялись реформаторы и революционеры, ставились животрепещущие проблемы времени. Действие «Цветов в море зла» происходит в небывалом для китайской литературы числе стран – Китае, Германии, России и Японии. Попутно привлекается материал из истории освободительного движения Кореи и Вьетнама. Все это в сочетании с художественными достоинствами принесло роману Цзэн Пу редкую для того времени популярность: его первые двадцать глав за два года были изданы пятнадцать раз, общим тиражом пятьдесят тысяч экземпляров.

Такой теплый прием, естественно, вдохновил автора. В 1907 году, когда от издательства «Лес прозы» отпочковался одноименный журнал, Цзэн Пу опубликовал в нем еще пять глав повествования. Однако дальнейшая работа над романом по разным причинам задержалась. К своему главному детищу писатель вернулся лишь через двадцать лет, начав издавать журнал «Правда, красота и добро» («Чжэнь мэи шань»). В нем в 1928–1930 годах были опубликованы последующие десять глав, с двадцать шестой по тридцать пятую. Вскоре Цзэн Пу переработал текст и выпустил роман отдельной книгой в тридцати главах. С этого издания, последнего из вышедших при жизни автора, осуществлен русский перевод произведения.

Цзэн Пу родился в 1871 году в уезде Чаншу провинции Цзянсу недалеко от Шанхая. Его отец был ученым и уготовил для сына такую же карьеру. Юноша не протестовал против этого, но тайком читал новеллы, романы, считавшиеся в Китае простонародной литературой, упражнялся в ритмической прозе. Познакомившись с одним из сочинений сына, отец пришел в восхищение и не стал браниться. С тех пор Цзэн Пу поверил в свой писательский талант.

¹ Опиумные войны – военные конфликты на территории Китая в XIX веке между западными державами и Империей Цин. Одной из основных причин военных действий были разногласия о торговле с Китаем, в первую очередь опиумом, откуда войны получили свое название. Итогом стало заключение ряда договоров, по которому Китай лишился своих крупных территорий в пользу европейских держав. –Прим. ред. Тайпинское восстание – крестьянская война 1850–1864 гг. в Китае против маньчжурской Цинской империи и иностранных колонизаторов. Предводителем восстания был религиозный деятель Хун Сюцюань, основавший «небесное царство» – Тайпинское государство, появившееся на территориях, которые заняли восставшие. Франко-китайская война – война между Францией и империей Цин в 1884–1885 годах. Ее основной причиной было желание Франции владеть территорией Вьетнама, номинально находившегося в вассальной зависимости от Китая. Японо-китайская война – война Японии против маньчжурской империи Цин в 1894–1895 годах с целью установления господства в Корее, номинально находившейся в вассальной зависимости от Китая. Боксерское восстание (1898–1901) – восстание ихэтуаней («отряды гармонии и справедливости») против вмешательства иностранцев во внутреннюю политику, экономику и религиозную жизнь Китая.

Тогда же юноша впервые узнал любовь, которую он пронес через всю жизнь и впоследствии изобразил в первой части романа «Мужчина». К его чувству старшие отнеслись более деспотично, чем к литературным опытам. В дневнике молодого Цзэн Пу появилась следующая запись: «Теперь мне нечего было ждать от жизни. Оставалось только утешать себя развратом... Если бы отец не отослал меня в Пекин для сдачи экзаменов на ученую степень, не знаю, до чего бы я дошел».

К восемнадцати годам юноша уже был автором сборника стихотворений на древнем языке, а также обладателем степени сюэя, соответствующей европейскому бакалавру. В 1891 году Цзэн Пу получил степень цзюйжэня (магистра), однако все больше тяготился схоластической конфуцианской наукой. Во время экзаменов на высшую степень цзиньши (доктора) он допустил намеренную ошибку, оказался вне круга победителей, но отец, мечтавший видеть его сановником, в 1892 году купил сыну должность письмоводителя Внутренней канцелярии, ведавшей документацией и архивом императорского двора. Этот эпизод из жизни Цзэн Пу сатирически переосмыслен в тринадцатой главе «Цветов в море зла».

За два-три года, проведенных в столице, Цзэн Пу познакомился со многими государственными деятелями и учеными: Вэн Тунхэ, Вэнь Тинши, Ли Вэньтянем, Цзян Бяо, Хун Цзюнем, которые занимали сравнительно либеральную позицию в политике, проявляли интерес к истории, археологии и географии, в частности к «варварскому» северо-западному Китаю. Сам Цзэн Пу тоже напечатал ряд работ о китайских окраинах.

Как и другие литераторы конца XIX – начала XX века, Цзэн Пу по-настоящему ощутил слабость своей страны во время японо-китайской войны 1894–1895 годов. Подобно герою «Цветов в море зла» Цзинь Вэньцину, он понял, что человек, оторванный от проблем современной жизни, не может принести пользу родине. Но совершенный им шаг был гораздо смелее, чем у Цзинь Вэньцина. Оставив должность, обладатель двух ученых степеней решил вновь стать учеником и в 1895 году поступил на французское отделение Школы переводчиков при правительственной Палате внешних сношений².

Хотя школа была основана еще в 1862 году, китайская интеллигенция, изрядно зараженная национализмом, не жаловала ее своим вниманием. Специальная группа для чиновников, в которую приняли Цзэн Пу, просуществовала всего восемь месяцев. Однако Цзэн продолжал изучать язык и на третий год уже смог прочесть в подлиннике тетралогия «Современная история» Анатоля Франса.

Вскоре после распада группы Цзэн Пу хотел перейти в Палату внешних сношений, однако планам его воспрепятствовал главный экзаменатор, который недолюбливал Вэн Тунхэ, покровителя Цзэн Пу. Впечатлительный молодой человек принял эту историю так близко к сердцу, что тут же уехал в Шанхай, решив навсегда оставить мысль о государственной службе. Обстоятельства жизни свели его на юге с реформаторами Тань Сытуном, Линь Сюем, Тан Цайчаном и другими, которые ратовали за давно назревшие преобразования в общественной и культурной жизни Китая. Это движение положило начало «ста дням реформ» 1898 года, когда под покровительством молодого либерального императора Гуансюя реформаторы попытались осуществить свою программу. Конец реформам положил реакционный переворот вдовствующей императрицы Цыси, тетки Гуансюя, которая отстранила молодого императора от власти и заточила на островке в дворцовом парке.

Реформаторы свели Цзэн Пу с генералом Чэнь Цзитуном – судостроителем, знатоком французской литературы и популяризатором китайской культуры во Франции. Женатый на француженке Чэнь Цзитун с 1886 по 1891 год служил секретарем китайского посольства в

² Палата внешних сношений учреждена в 1861 г. (до этого дипломатические связи с зарубежными государствами находились в ведении министерства церемоний). В 1901 г. преобразована в министерство иностранных дел. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

Париже. Там он выпустил книги о китайском театре, о быте и социальной структуре Китая, переводы китайских сказок и пьес. Эти работы получили известность и даже привлекли внимание Анатоля Франса. Цзэн Пу полагал, что выдающийся европейский писатель был дружен с Чэнь Цзитуном. Франс таких сведений не дает, зато существует его рецензия на собранные Чэнем сказки.

Популяризируя национальную культуру, Чэнь Цзитун в то же время понимал, что она отстала от западной, и с горечью говорил Цзэн Пу о том, что за исключением Вольтера и некоторых синологов европейцы относятся к Китаю презрительно. «Он рассказывал мне о Ренессансе, об отличиях классицизма от романтизма, о натурализме, символизме и других свободно развивающихся течениях нового времени, давал мне читать множество европейских книг», – вспоминал Цзэн Пу. Среди этих книг были произведения Рабле, Ронсара, Монтеня, Расина, Мольера, Буало, Вольтера, Руссо, Гюго, Виньи, отца и сына Дюма, Флобера, Золя, Мопассана, Тэна, Франса, Лоти, французские переводы из итальянских, испанских, английских и немецких авторов. Все это Цзэн Пу проглотил за три-четыре года, даже заболел от перенапряжения. Итак, в годы создания своего центрального романа писатель уже был знаком с самыми разными течениями европейской литературы.

Принять участие в столичных «ста днях реформ» Цзэн Пу помешал традиционный трехлетний траур по отцу (1897–1899). Однако на родине, куда ему пришлось вернуться, он, вопреки сопротивлению консерваторов, открыл начальную школу, поселил у себя преподавателя-японца, организовал курсы японского языка и сам изучал его наравне со студентами. Менее активными оказались следующие два-три года (1899–1902), когда Цзэн Пу был прикован болезнью к постели. Впрочем, для литературных занятий, особенно переводов с французского, это обстоятельство, по-видимому, сыграло положительную роль.

Едва оправившись от болезни, Цзэн Пу попробовал свои силы в шелковом производстве, но не выдержал иностранной конкуренции. Через год (1904) он вместе с земляками основал более успешное предприятие – издательство «Лес прозы», а затем (1907) и одноименный журнал. Если главным редактором издательства был сравнительно умеренный литератор Сюй Няньцы, то в редакцию журнала вошел революционный публицист и поэт Хуан Жэнь. Сотрудничали с редакцией известные переводчики Бао Гунни и Чэнь Цзялинь, а также близкий к революционерам драматург У Мэй. Важной вехой в деятельности издательства и журнала была публикация «Цветов в море зла».

Кроме пяти глав романа, Цзэн Пу опубликовал в журнале незаконченный перевод «Королевы Марго» и подробную «Биографию Дюма-отца». Ему же, видимо, принадлежали небольшие заметки о Дюма и Гюго. Интересна информация о выходе народных рассказов Л. Толстого, которого Цзэн Пу вполне определенно называет великим. Уже одна эта последовательность имен европейских писателей очень характерна: от приключенческих произведений Дюма к романтике Гюго и далее к реализму Толстого. Однако полного перехода к реализму Цзэн Пу не совершает даже в своих переводах. Впоследствии он как бы сознательно задерживается на середине – на Гюго.

* * *

Замысел и фабулу главного произведения своей жизни Цзэн Пу позаимствовал у известного поэта Фань Цзэнсяна, который в 1899–1900 годах опубликовал первую часть написанной им «Поэмы о Цайюнь». Сюжет ее почти целиком совпадает с последующим романом Цзэн Пу. Пожилой ученый, прельстившийся юной гетерой, взял ее в наложницы, а затем, став дипломатом, повез за океан. В Европе и на родине наложница пользуется шумным успехом, вступает в многочисленные любовные связи и словно бы мстит мужу за ту женщину, которую он обрек когда-то на самоубийство.

В начале XX века теми же фактами заинтересовался революционер Цзинь И, который нередко подписывался псевдонимом Ревнитель свободы. Он сотрудничал в журнале известного реформатора Лян Цичао «Новая проза», в революционном «Вестнике национального достоинства» и журнале «Цзянсу», который был таким же печатным органом китайских студентов в Японии, как «Прибой Чжэцзяна», где начал печататься молодой Лу Синь. В 1903 году Цзинь И сам стал издавать журнал «Зеркало для женщин», ратуя за женскую эмансипацию, в следующем году выпустил перевод произведения японского революционера Миядзаки Торадзо «Тридцатитрехлетний сон» (о деятельности Сунь Ятсена) и книгу «Кровь свободы», которая тоже использовала японский материал и представляла собой историю русского освободительного движения от декабристов до эсеров. Здесь едва ли не впервые на китайском языке рассказывалось о деятельности Герцена, Тургенева, Чернышевского, Бакунина, Софьи Перовской, народницы Геси Гельфман, названной Гофман (как и у Цзэн Пу, сохранившего эту фамилию в своем повествовании). Отсюда можно заключить, что сведения о революционерах, особенно иностранных, Цзэн Пу почерпнул в значительной мере из переводов Цзинь И.

В журнале «Цзянсу» Цзинь И опубликовал две главы своего произведения, которому дал название «Цветы в море зла» (октябрь 1903 года). Через год он послал их в Шанхай, издательству «Лес прозы», вместе с еще четырьмя главами, среди которых был и отрывок о сторонниках Сунь Ятсена. Цзэн Пу заинтересовался присланным, однако рекомендовал теснее связать историю ученого и гетеры с политическими событиями. Кроме того, художественный уровень этой прозы, с его точки зрения, оставлял желать лучшего. Цзинь И оказался самокритичным и попросил Цзэн Пу взять роман на себя.

Составленный Цзэн Пу план романа предусматривал довести повествование до событий 1900 года, когда вспыхнуло боксерское восстание и войска восьми держав³, под предлогом его подавления, вторглись в Пекин. В то время гетера Сай Цзиньхуа (выступающая в романе под именем Фу Цайюнь) стала фавориткой командующего «союзной армией» Вальдерзее и спасла многих соотечественников. В дальнейшем писатель намеревался показать победу грядущей революции. Полностью замысел этот не был осуществлен, однако в пределах описываемых двух десятилетий до реформ 1898 года Цзэн Пу создал широкую картину жизни, обрисовал большое число своих современников.

В романе свыше двухсот персонажей, почти все они – реальные исторические лица, как правило, наделенные вымышленными именами. Скажем, ученый Хун Цзюнь назван Цзинь Вэньцином, под именем князя Сурового (диктатора Севера) выведен наместник столичной провинции Ли Хунчжан, за министром Гун Пином скрывается либеральный сановник Вэн Тунхэ, в Хэ Тайчжэне можно узнать «генерала, пробежавшего весь Ляодун», – печально знаменитого У Дачэна, который проявил себя большим трусом во время японо-китайской войны. Настоящие имена сохранены только за некоторыми второстепенными героями.

В центре романа – пятеро друзей, сдававших государственные экзамены: Цзинь Вэньцин, Цянь Дуаньминь, Лу Жэньсян, Хэ Тайчжэнь и Цао Ибяо; они постепенно, кроме провалившегося Цао Ибяо, становятся видными чиновниками. Наиболее интересен из них Цзинь Вэньцин, прообразом которого послужил известный ученый Хун Цзюнь (1840–1893), названный брат отца Цзэн Пу. Как и герой романа, Хун Цзюнь занял первое место на дворцовых экзаменах, затем стал подниматься по чиновной лестнице, но в 1884 году был вынужден оставить службу из-за смерти матери. По окончании трехлетнего траура он отправился посланником в Россию, Германию, Австрию и Голландию, взяв с собой молодую наложницу. В 1890 году вернулся на родину, где его сделали помощником военного министра (едва ли не единственный факт, не нашедший отражения в романе) и ввели в Палату внешних сношений.

³ Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Япония, США, Россия и Италия. –Прим. ред.

Во время пребывания в Европе Хун Цзюнь раздобыл иностранную карту Памира, которая в 1890 году была издана в Китае в виде атласа. Кроме того, Хун Цзюнь известен трудами по истории эпохи Юань (XIII–XIV века). Он продолжил дело Гун Цзычжэня, Вэй Юаня и других китайских просветителей начала XIX века, питавших интерес к северным народам. В то же время в Хун Цзюне видны черты появившихся несколько позднее сторонников «европеизации» – тех, кто стремился использовать новые идеи Запада лишь для того, чтобы сохранить старые феодальные устои.

Этот двойственный характер ученого отражен и в романе, но по-своему, с осязаемым креном в область частной жизни, с обличительным заострением и одновременно усложнением образа. Например, увлечение Цзинь Вэньцина историей монголов позволяет высмеять дипломата, который, зарывшись в ученые трактаты, не видит того, что творится у него под носом: любовных походов Цайюнь со слугой Афу и с немецким лейтенантом Вальдерзее. Политическая консервативность героя хорошо подчеркнута сценами, где он с ужасом говорит о русских «нигилистах», то есть о народниках.

Известно, что в 1891 году, во время Памирского инцидента, маньчжурское правительство обвинило Хун Цзюня в неверном составлении атласа, в том, что из-за него Китай якобы потерял полосу шириной в восемьсот ли⁴. Ученый был так потрясен этим вымышленным обстоятельством, что заболел и вскоре умер.

Цзэн Пу использует названные факты для обличения невежественных маньчжурских чиновников (включая Цзинь Вэньцина, который не знал как следует, что он копировал) и обожаемых ими интриг (заместитель начальника Палаты внешних сношений Чжуан Хуаньин решил таким образом отомстить Цзинь Вэньцину за личную «обиду»). Было бы неверно думать, будто упоминание об этом инциденте в романе дает хоть малейший повод к каким-либо домыслам о пограничном вопросе. Цзэн Пу сам заявил, что китайские дипломаты тогда же «связались с английским и русским правительствами и, опираясь на авторитет Англии, восстановили истинную пограничную линию». Исторические источники также свидетельствуют, что дипломаты маньчжурской империи не обнаружили в решении этого вопроса никакого криминала.

Болезнь и смерть Цзинь Вэньцина автор рисует с большим психологизмом, как человеческую трагедию. Он в известной мере сочувствует увлеченности героя научными исследованиями, его служебной шепетильности, его мучениям из-за «невольной ошибки» с картой. Страдая от измены Цайюнь, Цзинь все-таки прощает ее: любовь одерживает верх над его приверженностью старой морали. В то же время уязвленное самолюбие побуждает его забыть о справедливости: он выгоняет Афу из дома за проступок, которого тот не совершал.

Похожи на Цзинь Вэньцина, хотя и схематичнее обрисованы, его друзья. Цянь Дуаньминь и Цао Ибяо сравнительно либеральны. Цао наряду со схоластическими сочинениями хвалит работы прогрессивных китайских ученых конца XVII – начала XIX века, а одно из любимых занятий Цянь Дуаньминя – чтение книг антиманьчжурских просветителей XVII века. Лу Жэньсян более консервативен, зауряднее Цянь Дуаньминя (это сказывается в сцене их спора с Цайюнь), но не менее человечен. Если Цянь помогает товарищу уладить досадный инцидент, то Лу Жэньсян пытается лечить больного друга, – правда, без успеха. В последнем случае писатель прибег к грустному юмору, присоединившись к критикам традиционной китайской медицины.

Можно сказать, что каждый из друзей Цзинь Вэньцина является как бы носителем отдельных его качеств: Цянь Дуаньминь образован и умен, Лу Жэньсян консервативен и наивен, Цао Ибяо любвеобилен, Хэ Тайчжэнь самонадеян. Подобное разделение черт, иногда совмещающихся в одном человеке, умело использовалось еще авторами героических китайских рома-

⁴ Ли – мера длины, используемая для измерения больших расстояний. Примерно равна 500 м. – *Прим. ред.*

нов XIV–XVI веков, но в данном случае приобретает оригинальную «веерообразную» форму и особенно оправдано, поскольку речь идет о друзьях. Кстати, веер смог получиться только потому, что для него имелся стержень: многосторонний характер Цзинь Вэньцина.

Описанию главного героя не уступает в яркости образ Фу Цайюнь, хотя автор не нарисовал ни трудной юности гетеры, ни ее жизни во время боксерского восстания. Эту задачу выполнил известный драматург Ся Янь в пьесе «Сай Цзиньхуа» (1936).

Некоторые критики жалеют о незавершенности романа, но фактически повествование закончено. Просто из характера реальной гетеры автор взял (может быть, под влиянием французской литературы) не столько ее деловитость, сколько живость, легкомыслие, которые называются даже при встречах героини с немецкими монархами. Эти типично женские черты делают образ Цайюнь вполне достоверным.

Иногда устами Цайюнь автор обличает слабости главного героя:

«Ты с утра до вечера, обнявшись со старыми книжками, бормочешь на тарабарском наречии какие-то двуслоги, трехлоги, четырехлоги!.. Накуришь так, что голова раскалывается! А свои прямые дела откладываешь, по неделям к ним не прикасаешься. Не то что пядь китайской земли (Цайюнь высмеивает только что сказанные Цзинь Вэньцином слова), даже если тебя самого унесут, ты и то не заметишь! Выяснишь, как звучали какие-нибудь географические названия во времена династии Юань, ну и что? Прибавится что-нибудь к землям Цинской династии? Не понимаю я этого. Сберег бы лучше деньги для собственных удовольствий!..»

В этих речах различимы и слабости Цайюнь: ее чрезмерное эпикурейство, любовь к деньгам. Иногда гетера способна на заведомо жестокие поступки, как в эпизоде, где она колет ухверткой свою служанку.

Параллельно с жизнеописаниями Цайюнь, Цзинь Вэньцина и его друзей автор повествует о судьбах многочисленных ученых, чиновников, «кандидатов» в ученые или чиновники, простолудинов. Когда система схоластических государственных экзаменов уже, казалось, была достаточно разоблачена, Цзэн Пу неожиданно вернулся к ней. Снедаемый тревогой за судьбу национальной науки, мыслями о превосходстве знаний, идущих с Запада, он дал царящей в этой области рутине убедительную отповедь. В одной из первых редакций романа государственные экзамены были названы «самым вредоносным приемом, который использовали самодержцы для оглупления соотечественников».

В отличие от У Цзинцзы – автора знаменитого романа «Неофициальная история конфуцианцев» (XVIII век), – Цзэн Пу редко показывает мучительный процесс получения степеней, сравнительно мало интересуется злоупотреблениями, царящими в экзаменационной системе, направляя свое основное внимание на повседневную жизнь китайских ученых: их занятия, разговоры, характерные привычки, любовные приключения. Внешне, как заметил один критик, эти ученые не несут в себе мещанского духа чиновников из «Неофициальной истории конфуцианцев», не столь корыстолюбивы, как бюрократы из «Нашего чиновничества» Ли Баоцзя (роман начала XX века), но фактически обладают и тем и другим. В то же время просвещенные беседы и утонченные развлечения героев Цзэн Пу по-своему интересны. Обилием подобных сцен «Цветы в море зла» напоминают «ученые романы» XIX века, однако социальной критики у Цзэн Пу больше.

Писатель обличает не только псевдоученых или чиновников, но и высших правителей. В публицистическом отступлении из первой редакции романа он нападал чуть ли не на всех императоров, кроме легендарных Юя и Хуанди, однако из многочисленных зол он выбирал меньшие, поэтому иноземные поработители (монголы, маньчжуры) у него обличаются резче, нежели китайские монархи, а консервативная императрица Цыси – гораздо злее, чем ее либеральный племянник Гуансюй. Устами своих героев Цзэн Пу рассказывает, как Цыси пустила на строительство Летнего дворца деньги, предназначенные для создания флота (это явилось одной из причин поражения Китая в войне с Японией), принимала от своих подданных взятки.

Есть в романе и очень опасный для того времени намек на близкие отношения вдовствующей императрицы с главным «евнухом» Лянем: в девятой главе загипнотизированный слуга вспоминает о развратной средневековой правительнице У Цзэтянь⁵, а гипнотизер пугается вдруг «нежелательных аналогий» и поспешно прекращает свой психологический опыт.

Ненавидя реакционеров, Цзэн Пу не слишком жаловал и либералов, особенно непоследовательных. Примечательна в этой связи одиннадцатая глава, где воспроизводится беседа «просвещенных» сановников. С одной стороны, их не устраивают консерваторы вроде Лу Жэньсяна, а с другой – чрезмерные радикалы типа Тан Юхоя. Им хочется провести такие реформы, которые бы по возможности не меняли старых порядков. Вот почему Цзян Бяо и Мяо Пин, предлагающие половинчатые меры, удостоиваются со стороны министров всяческих похвал.

Конечно, Цзян Бяо не является настоящим сторонником народовластия, о котором он с пафосом говорит. Но автору его сентенции все-таки нужны и для разоблачения приспособленчества, и для косвенного утверждения прогрессивных общественных идеалов. Не случайно упомянутый отрывок созвучен рассказу русского ученого Бешкова о социалистических теориях на Западе.

В восемнадцатой главе романа Цзэн Пу излагает взгляды известных дипломатов, близкие идеям реформаторов и его собственным воззрениям. Писатель «собирает на беседу» китайских сановников с международным опытом, и те смело высказываются «о том положительном, что есть в иноземных государствах, и о пользе, которую приносит общение между странами всего мира». Совсем еще недавно ставить подобные вопросы, «чрезмерно почитать западных варваров» означало измену. Теперь же, отмечают собеседники, не возбраняется подражать иностранцам, даже «появляться на приемах в европейском платье». Они отважно судят, нужен ли Китаю договор о взаимопомощи с Японией; выдвигают дерзкую мысль о том, чтобы двинуть флот к Корее без согласования с Палатой внешних сношений; критически комментируют рассказ Цзинь Вэньцина о миролюбивом отношении к Китаю со стороны русского царя Александра Третьего. Герои говорят о необходимости переустройства армии, флота, финансов, о развитии торговли, промышленности, сельского хозяйства. По их мнению, нужно ввести Китай в орбиту действий международного права, учреждать китайские консульства, создавать национальные банки, строить железные дороги; следует обновить систему образования, создать ходовую письменность... Устами собеседников Цзэн Пу очерчивает широкий круг животрепещущих проблем обновления китайского общества, его экономики и культуры. Не удивительно, что тогдашние читатели романа жадно впитывали эти открыто провозглашавшиеся идеи, новое отношение к «Цветам в море зла».

Убедительно изображает Цзэн Пу трагедию страны, распадающейся под ударами чужеземцев. В романе довольно подробно описаны франко-китайская и японо-китайская войны. Кроме живых образов Хэ Тайчжэня, князя Сурового, чиновников Чжан Цяня и Вэнь Динжу, которые «превратили место наслаждения женщинами и вином в комнату для разработки секретных планов», у Цзэн Пу есть специальный рассказ «Пекин 1894 года», где едва ли не острее, чем в романе, изображен позор страны, высмеяны китайские консерваторы, привыкшие смотреть на Корею как на вассала и не ожидавшие, что Япония способна захватить ее.

При обрисовке «батальных» сцен автор касается и местных, и центральных правителей. Когда читаешь, как министр Гун Пин и канцлер Гао Янцзао, вместо того чтобы предпринимать реальные шаги в борьбе против японцев, слушают пустые призывы императорского историка Вэнь Динжу к «искоренению варваров с Восточного океана» или сентиментально вздыхают об улетевшем журавле, испытываешь не только желание посмеяться над сановниками, но и боль за обманутый народ. Кроме того, у Цзэн Пу несравненно шире, чем у других китайских писателей того времени, показаны иностранные государства, их сила. В романе упоминаются германские

⁵ У Цзэтянь – императрица VII–VIII вв., известная своей развратностью.

монархи, русский император, западные дипломаты, японские политические деятели и многие другие. Писатель довольно свободно оперирует фактами из европейской истории; рассуждая о жестоких монархах, называет не только китайских деспотов, но и Юлия Цезаря, Людовиков XIV и XVI, – а это уже само по себе было незаурядным явлением для Китая начала XX века, где о Западе по-прежнему знали мало.

Правда, иностранцы в романе не совсем похожи на иностранцев. Иногда они церемонируют, точно старые китайские книжники. Однако эти церемонии чувствуются преимущественно в тех местах, где персонажи (германская императрица, Вальдерзее, Бешков) разговаривают с китайцами и вынуждены приспосабливаться к китайскому этикету. Гораздо чаще Цзэн Пу прибегает к возвышенным национальным образам, которые ни до, ни после него для обрисовки иностранцев почти не применялись.

В революционных сценах его повествования следует выделить прежде всего яркий образ «нигилистки» Саши, очевидно целиком вымышленный автором, хотя по своей судьбе героиня близка многим революционеркам России, отчасти и самым передовым китайским женщинам начала XX века типа поэтессы и революционерки Цю Цзинь, сложившей голову на эшафоте.

Русские революционеры разных направлений были для Цзэн Пу чем-то единым; недаром он собрал их вместе: Короткевича, Луизу, Кранца, Борму, Сашу. Все они – заклятые враги деспотизма, люди редкой смелости, преданные друзья. Мысли о личном счастье беспощадно отбрасываются ими в сторону. Читатели являются свидетелями чистого чувства, возникшего между Кранцем и Сашей, героиня жертвует своей любовью во имя того, чтобы передать партии богатство жандармского полковника и проникнуть во дворец.

Впрочем, из эпизодов, связанных с «нигилистами», лучше всего воссоздана не революционная борьба, не отношения Кранца и Саши (эти сцены были слишком новы для китайской литературы), а неожиданная свадьба героини с полковником, умелое кокетство девушки, очень напоминающее уловки Цайюнь. И хотя жандарм сделан почти театральным злодеем («во взгляде его таился огонь, а в смехе нож»), в какой-то момент веришь, что ему оставалось только предложить девушке руку.

Отрывок о китайских революционерах в романе начат весьма интересным публицистическим отступлением о героях и обывателях, о тайных антиманьчжурских обществах, создававшихся в Китае с середины XVII века, о «двух подводных течениях», идущих из Европы и Америки. Тем самым намечается как национальная база сторонников Сунь Ятсена (в романе – Сунь Вэнь), так и их тесная связь с Западом.

Писатель подчеркивает энергию Сунь Вэня, несколькими штрихами рисует его портрет, довольно увлекательно изображает похищение революционера Чэнь Цина тайным Обществом братьев. В последнем эпизоде, как и в обрисовке Кранца, использованы приемы детективно-рыцарской прозы.

В методе Цзэн Пу сплетаются самые разнородные элементы от просветительства до нереалистических течений конца XIX – начала XX века. Последние едва успели повлиять на японскую литературу и были абсолютно новы для китайской. Но основой метода писателя представляется синтез романтизма и реализма. При этом мы наблюдаем довольно четкое распределение красок: образы Цайюнь, революционеров и некоторых других героев окрашены преимущественно в романтические тона, а чиновников и ученых – в реалистические. Правда, это не столько критический, сколько просветительский реализм, свойственный многим китайским писателям начала XX века.

Из художественных достижений Цзэн Пу еще Лу Синь отметил «искусную композицию и красочный язык». Эта красочность выражается в более щедром, чем у других китайских романистов того времени, использовании элементов древнего стиля, поэтических сравнений, четырехсловных «устойчивых оборотов», ритмических повторов. Иногда это помогает создать патетическую атмосферу, например: «Каждый, сжимая кулаки и гневно сверкая глазами, кля-

нется отомстить за позор родины. Пусть пройдет несколько столетий, сменится десяток эпох, но всегда найдутся люди, которые...»

Возвышенный стиль Цзэн Пу порой использует иронически, например в отрывке о князе Суровом, который отдал Аннам Франции и которого следует «благодарить за это в веках». Однако чаще подобные средства употребляются в позитивном плане: при передаче авторских размышлений, при описании обаятельного женского облика, волнующего пейзажа.

* * *

В 1907–1908 годах, выпуская радикальный журнал «Лес прозы», Цзэн Пу присоединился к конституционно-монархическому движению, руководимому сановником Чжан Цянем, а в 1909 году стал служить у реакционного генерал-губернатора Дуань Фана. Эти факты показывают, как зыбка порою грань между революционностью и консерватизмом, помогают уловить, почему Цзэн Пу прервал работу над романом. Однако на двадцать первой – двадцать пятой главах, которые автор успел написать в 1907 году, его поправление абсолютно не отразилось: в них изображены болезнь и смерть Цзинь Вэньцина, история проходивцев Юй Миня, Юй Банли и Чжан И, основные эпизоды японо-китайской войны.

В период революции 1911–1913 годов Цзэн Пу отошел от Дуань Фана, но с Чжан Цянем продолжал сотрудничать: вступил в возглавляемую им Республиканскую партию, долгие годы работал членом управления провинции Цзянсу. В то же время он поддерживал связь с прогрессивным тогда Гоминьданом и помогал тем, кто выступил против самозванного императора Юань Шикая. Именно такая позиция, наверное, побудила писателя на перевод драмы В. Гюго «Анджело – тиран падуанский».

В 1919–1920 годах Цзэн Пу начинает писать «Очерк истории французской литературы», занимается изучением буддизма и постепенно вновь отходит от государственной службы (1926 год). Вместе с сыном Цзэн Сюйбаем писатель решил открыть издательство «Правда, красота, добро» и переехал в Шанхай. Одни критики рисуют это как бегство от революции 1925–1927 годов, другие – как нежелание сотрудничать с милитаристами. Последний взгляд представляется более правдоподобным.

В 1929 году издательство «Правда, красота, добро» выпустило книгу «Любовь» – первую часть нового романа Цзэн Пу «Мужчина». Эта книга во многом автобиографична, близка европейской литературной традиции и вместе с тем знаменитому китайскому роману XVIII века «Сон в красном тереме». Центральное место в произведении занимает любовь между юными героями. В последней части романа герою – Лу Наньцзы – уже пятьдесят лет. Он разочаровался в чиновничьей службе, усомнился и во всеисилии любви, однако по-прежнему называет ее главной для себя, особенно «любовь к родине» и «любовь к семье». В первой части романа юноша приходил к весьма пессимистическому выводу: «Я считаю, что вечность любви – только в смерти; разлука – укрепление любви, а брак – ее гибель». Теперь герой с не меньшей грустью думает о разобщенности своей родины, но в этом пессимизме есть нечто очень важное. Попытку гоминьдановцев объединить Китай жестокими методами Лу Наньцзы считает бесполезной.

Ясно, что даже в последний период жизни (Цзэн Пу умер в 1935 году) писатель, перейдя на умеренные позиции, все же тяготел к передовой китайской литературе. 8 июля 1934 года он записал в дневнике: «Прочел „Дикие травы“ Лу Синя. Явный прогресс. „Клич“ и „Блуждания“ – всего лишь новая „Неофициальная история конфуцианцев“, а этот сборник совсем в другом духе. „Путник“ и „Осенний лист“ особенно печальны, хочется декламировать. Я бы отнес их к символическому импрессионизму».

Как видим, «Клич» и «Блуждания» Цзэн Пу недооценил, но признал значительность других произведений Лу Синя. В свою очередь, отношение младших современников к Цзэн Пу

видно из весьма сочувственного отзыва о «Цветях» в лусиневской «Краткой истории китайской прозы» и из воспоминаний писателя Юй Дафу, который познакомился с Цзэн Пу в конце двадцатых годов. Юй и Цзэн оживленно беседовали о французских романтиках, о «Цветях в море зла», о просветителе Чэнь Цзитуне. Юй Дафу был восхищен разносторонними познаниями Цзэн Пу, его красочной речью и назвал его «настоящим мостом между новой и старой китайской литературами», «крупнейшим предшественником новых писателей».

На рубеже двадцатых-тридцатых годов в Цзэн Пу видели преимущественно знатока французской литературы. Он готовил китайское издание полного собрания сочинений Гюго, в 1928 году опубликовал статью о Мольере, в следующем году участвовал в переводе «Таис» А. Франса, однако главным делом его жизни оставалась работа над «Цветами в море зла».

Прежде всего автор постарался частично завершить историю Цайюнь, в результате чего героиня превратилась в одного из самых психологичных персонажей китайской прозы начала XX века. К эротическим сценам, связанным с Цайюнь, писатель добавил еще более яркую, несущую определенный антиманьчжурский смысл историю любви поэта начала XIX века Гун Цзычжэня. Не менее важна сцена женитьбы императора Гуансюя, вскрывающая самые интимные подробности жизни цинского двора.

Одновременно Цзэн Пу сокращал роман, снял ряд публицистических отступлений, риторических вопросов и прочее. Правда, оставленные за пределами повествования последние пять глав содержали немало интересного, но написаны они в общем слабее, чем предыдущие, не воспринимаются как бесспорно необходимые. Хорошо, что писатель проявил требовательность к себе и отказался от них. Тем самым он, кстати, сохранил оптимистическое звучание революционных сцен, не завершил их изображением наступившей вскоре реакции.

Переработка «Цветов» была безусловно плодотворной. Слова о том, что она «не имела никакого влияния на литературную жизнь», звучат не очень убедительно, если вспомнить большое число статей о Цзэн Пу, появившихся в тридцатых – начале сороковых годов, обращение драматурга Ся Яня и других писателей к подлинной биографии Сай Цзиньхуа, попытки ряда литераторов продолжить роман до шестидесятой главы. В наши дни «Цветы в море зла» также не утратили актуальности и своими достоинствами превосходят многие китайские сочинения. Недаром Цзэн Пу получил заслуженное признание не только в Китае, но и далеко за его пределами.

В. Семанов

Глава первая. Волны, ринувшись на сушу, в одно мгновение затопляют остров Радость рабов. Автора просят описать судьбу цветка свободы, отразив ее в событиях тридцати лет

Забыты песни рек и гор,
страна удручена,
Рыдают чистые сердца,
не находя исхода.
Увы! Срединная земля
уже обречена,
Растоптана, умерщвлена
былых времен свобода!
Любимцы Золотых дворцов!
Мудрейшие мужи!
С красавицами, что живут
в веселых заведеньях,
Вы углубились в Южный сад,
и там, в немой тиши,
Проходят многие часы
в любовных развлечениях.

А вы, неверные послы,
на дальний Запад мчась,
Вдали от родины своей
забыли долг священный
И, тайно преступив закон,
признали вражью власть,
Продав себя и не стыдясь,
увы, такой измены!

* * *

В море зла окунулась страна!
За великие прегрешенья
Предыдущего перерожденья
Наказание терпит она!
На дорогах драконы
Вступают в ночные сраженья⁶,
Вы ж, вельможи, средь белого дня
Веселитесь за кубком вина!..

⁶ Имеются в виду патриотические народные восстания.

Мир трепещущих душ
Лишь забвеньем и страхом объят,
Всполошились в испуге
Тигровые стражи у трона,
Распахнулись врата
Императорских тайных палат,
Входят в них иностранцы —
Словно входят в Китай покоренный!

Поражения в тысячах дел!
Не скрывая упрека,
С горькой грустью на варваров
Смотрит Небесное око⁷,
Скорбно думают люди:
«Печален отчизны удел!»

А Богини свободы цветок улетел,
Подгоняемый ветром с востока...

Вы, конечно, захотите узнать, кто такая Богиня свободы? При какой династии она была канонизирована? Где стоит ее изваяние? Рассказывать об этом пришлось бы слишком долго. Поэтому сначала я поведаю вам о стране рабства, которая обладала лишь самой примитивной свободой. Она находилась за пределами пяти великих океанов земного шара, куда не проникли еще ни Колумб, ни Магеллан. Там простиралось огромное море, называвшееся Морем зла, и среди этого моря затерялся остров Радость рабов⁸. Он находился под тридцатью градусами северной широты и ста десятью градусами восточной долготы. Его горы и реки были прекрасны, цветы и деревья ласкали взгляд красотой. Но уже долгое время небо стояло низко над островом, сквозь темные тучи никогда не проглядывало солнце, воздух здесь был тяжелым. Подумайте, если обитателям этого острова не хватало даже свежего воздуха, без которого не может обойтись ни один человек, то как мало у них было свободы! Они жили хуже собак, но за жизнь цеплялись. Отсюда и родилась у них потребность почитать сильных, заискивать перед иностранцами и из рода в род передавать суеверные легенды о грехах и возмездии.

По умению приспосабливаться жителей острова можно было сравнить только с Фэн Дао⁹ и Цянь Цяньи¹⁰, а по ловкости — с Ян Сюном¹¹ и Чэнь Цзыаном¹². Стоит ли удивляться, что цари их деспотичностью походили на Циньшихуана¹³, Юлия Цезаря, Чингисхана, Людовика Четырнадцатого, а тупостью — на Янди¹⁴, Ли Юя¹⁵, Чарльза Первого и Людовика Шестнадцатого?

⁷ Намек на иностранную агрессию, которая получила в Китае особый размах со времени опиумных войн, то есть с середины XIX века.

⁸ Подразумевается Китай.

⁹ Фэн Дао — литератор и государственный деятель IX–X вв., который пережил пять императоров и при всех занимал высокие посты.

¹⁰ Цянь Цяньи — поэт и чиновник XVI–XVII вв., перешедший на службу к маньчжурам.

¹¹ Ян Сюн — поэт I в. до н. э. — I в. н. э., усердно воспевавший императора.

¹² Чэнь Цзыан — поэт VII в., долгое время оставался неизвестным, но затем сумел распространить свои сочинения, пригласив на пир видных литераторов.

¹³ Циньшихуан — император III в. до н. э., известный своим деспотизмом.

¹⁴ Янди — император VII в., отличавшийся развратом и тупостью.

Издrevле этот остров не имел никаких сношений с соседними странами, поэтому в других государствах даже не знали его названия. С самой глубокой древности не дышали здесь вольным воздухом. Жители считали, что обладать едой, жильем, ученой степенью, женой и детьми – это и есть высшая радость свободы. Но недаром в старину говорилось: «Лучше смерть, чем неволя». Настал смертный час и для населения, которое вдоволь насладилося своей примитивной, рабской свободой. Пятьдесят лет тому назад (примерно в середине XIX века) вокруг острова Радость рабов неожиданно поднялись огромные волны. Остров был потрясен до самого основания, море уже готовилось захлестнуть его.

Но народ по-прежнему жил словно в полусне. Люди целыми днями плясали и веселились, предаваясь разврату. Они играли на лютнях под названием «свобода», пили «вольное вино» и любовались на цветы, которые тоже назывались «цветами свободы». Год за годом неудержимо текло время, лунные затмения сменяли солнечные. И вот наконец в 1904 году рухнуло небо, раскололась земля, раздался оглушительный треск, и Радость рабов погрузился в пучину Моря зла.

Можете ли вы себе представить, что остров Радость рабов находился совсем близко от Китая? На севере он граничил с Песчаным морем, на востоке – с Желтым морем, на западе – с Синим морем и на юге – с Южно-Китайским морем¹⁶. Едва о гибели острова стало известно, как в первом китайском порту, открытом для торговли¹⁷, Шанхае, где жили представители различных стран мира, все в один голос заявили, что это редчайшее явление. Дни наполнились сплошными дебатами и поисками причин исчезновения острова. Было истерто до основания несколько дюжин перьев, изведен не один фунт бумаги и чернил для того, чтобы описать сие знаменательное событие. Некий юноша по прозванию Ревнитель свободы специально приехал в Шанхай, желая получить достоверные сведения об острове Радость рабов. Однако к кому обратиться с расспросами, он себе не представлял.

Когда он прогуливался по улице, в глазах у него рябило от множества прохожих. Здесь были и жирные компрадоры, связанные с иностранными фирмами, и ловкие сторонники реформ, способные украсть даже солнце, и щеголяющие в европейских костюмах субъекты с обрезанными косами¹⁸, выдающие себя за революционеров, и корреспонденты газет, с языка которых всегда готов сорваться поток лжи. Казалось, их абсолютно ничто не тревожило. Они преспокойно играли в кости, забавлялись гетерами, распивали чай в «Жилище покоя» и слушали певичек в «Гнезде небесного блаженства». Вокруг сновали экипажи, запряженные роскошными лошадьми, вино лилось рекой, а дым разврата поднимался до небес. Словом, жизнь была ключом, и Ревнитель свободы удивился, как слабо эти люди реагировали на трагическое событие. Несколько дней он провел как во сне. Но однажды, когда он сидел в зале одного из ресторанов, туда вбежал какой-то человек с искаженным от ужаса лицом и закричал:

– Беда! Беда! Между Японией и Россией началась война! Три восточные провинции¹⁹ под угрозой.

Один из посетителей презрительно усмехнулся:

– Разве только три? По-моему, все восемнадцать давно уже потеряны.

¹⁵ Ли Юй – император X в.; известен также как поэт.

¹⁶ Перечисленные моря (так в древности назывались не только моря, но и пограничные провинции) являются окраинами Китая: Песчаное море (Ханьхай) – древнее название пустыни Гоби; Синее море (Цинхай) – озеро Кукунор.

¹⁷ До XIX в. феодальное маньчжурское правительство, опасавшееся за свое господство, проводило политику искусственной изоляции страны от внешнего мира. В дальнейшем под давлением вооруженных сил интервентов (Англии, США, Франции, Германии и др.) оно было вынуждено открыть некоторые порты, в частности Шанхай, для внешней торговли.

¹⁸ Мятежники; во время маньчжурской династии Цин (1644–1911) всему мужскому населению Китая в знак подчинения маньчжурам полагалось носить косы.

¹⁹ Старое название Северо-Восточного Китая.

Заслышав эти слова, Ревнитель свободы вздрогнул и подумал, как быстро все переменялось в такой совсем недавно спокойной стране. Он машинально встал и направился к выходу. Оказавшись на улице, он долго шел, не зная куда. Неожиданно взору его представилась обширная равнина. Горы вокруг отливали золотистым цветом, вода в реке казалась прозрачной, как ароматная роса; несколько десятков богатых зданий утопали среди пышных деревьев. Это был благодатный край, и его чудесные картины, словно вышитые шелком на парче, не могли не вызвать восторга. Но кругом было пусто и тихо – ни души.

Сердце юноши дрогнуло: ему показалось, будто он когда-то уже бывал здесь. Он бродил взад и вперед, не в силах расстаться с этим волшебным местом, и вдруг заметил невдалеке маленькую хижину. Повинуясь какому-то безотчетному влечению, Ревнитель свободы приблизился ко входу и уже совсем готов был переступить порог, как путь ему неожиданно преградила занавеска из нитей жемчуга. Юноша заглянул через нее внутрь и увидел посреди хижины нечто похожее на вазу с цветком необыкновенной красоты. «Уж не цветок ли это из красной яшмы, который, по преданию, принадлежал суйскому императору Янди? – подумал он. – Или, может быть, это цветок с яшмового дерева престолонаследника Чэня²⁰...»

От цветка исходила весенняя свежесть; неземной аромат пробивался сквозь занавеску.

«Поглядеть бы поблизи!..» – мелькнула мысль у Ревнителя свободы.

Он набрался храбрости, откинул занавеску и шагнул вперед. Никакого цветка не было. Перед ним стояла женщина неопиcуемой красоты с высоким лбом, тонкими изогнутыми бровями, персиковыми щеками и вишневым ротиком! Юноша в смущении попятился, но красавица позвала его:

– Сын свободы! Ты, кажется, хотел разузнать о необыкновенном случае с островом Радость рабов?

Заслышав название острова, Ревнитель свободы сразу вспомнил, зачем он приехал в Шанхай. Глубоко склонившись перед женщиной, он спросил:

– А вы знаете что-нибудь об этом острове?

Красавица рассмеялась:

– Ты, наверное, сошел с ума! Ведь острова Радость рабов никогда не существовало!

– Неужели? – изумился Ревнитель свободы.

Женщина снова улыбнулась.

– Вообще-то на свете много мест, которые можно назвать островами Радость рабов!

С этими словами она вынула свиток бумаги и подала его пришельцу. Еще не понимая, что все это должно означать, Ревнитель свободы развернул свиток. Перед ним было интереснейшее историческое сочинение. Пробежав его глазами, юноша задумался: у него возникло чувство, будто и в Китае происходят такие же удивительные события. Многие из написанного он запомнил сразу, но, опасаясь, что со временем все это сотрется из памяти, решил записать содержание свитка. Он уже принялся за работу, как вдруг с досадой отбросил кисть и воскликнул:

– Я совсем перестал соображать. Ведь мой друг по прозвищу Больной из Восточной Азии²¹ гордо называет себя королем прозы, он занимается переводами и сочинениями романов. Я расскажу ему содержание прочитанного, а он напишет на основе этого роман. Таким образом мне удастся сбересть немало кистей и туши!

Он взял листок, который успел исписать, вышел из хижины и направился прямо в «Лес прозы»²². Отыскав там своего друга, он рассказал все, что с ним приключилось, и попросил опубликовать эту удивительную историю.

²⁰ Официальное имя Чэнь Шубао, сына императора Сюаньди (I в. до н. э.).

²¹ Дунъя бинфу – псевдоним Цзэн Пу.

²² Издательство, основанное Цзэн Пу.

По мере того как Ревнитель свободы говорил, Больной из Восточной Азии записывал. Так получилась книга, в которой отразились многие кровавые события, происшедшие за тридцать лет, и выражалась надежда, что четыреста миллионов соплеменников²³ вступят на Берег пробуждения. Что же было в этой книге? Не считите за труд, прочитайте – вам обо всем расскажут последующие главы.

²³ Приблизительная численность населения Китая на рубеже XIX и XX вв.

Глава вторая. Лу Жэньсян посещает роскошный пир в Сучжоу. Цзинь Вэньцин, возвращаясь домой, остается погостить в Шанхае

Как известно, Великая Цинская династия вступила на престол по воле Неба и распространила свою власть на все уголки страны. Она действовала испытанными методами, подражая национальным китайским династиям, а поэтому, как говорится, и ветер ей благоприятствовал, и дождь приходил в указанный срок. Государство наслаждалось миром, а народ – спокойствием. Просвещенные государи сменяли один другого непрерывной чередой. Воистину народу было за что воспевать заслуги и добродетель монархов, ибо они походили на солнце, дающее тепло, и облака, посылающие дождь. Только при императоре Сяньфэне²⁴ вспыхнуло восстание в Цзиньтяне²⁵, которое на известное время возмутило спокойствие страны. Однако династия, как всегда, оперлась на своих преданных генералов, вышедших из цзюйжэней, цзиньши и академиков²⁶; пятнадцать лет они трудились в поте лица, срубили несколько десятков тысяч голов и стерли с лица земли всех бунтовщиков.

К моменту описываемых событий шел пятый год правления Тунчжи²⁷. Мятежи были подавлены, и жители Поднебесной на все лады восхваляли Великую Цинскую династию. Мудрый монарх Тунчжи со своей стороны повелел в каждой провинции, округе и уезде, где местные войска и ополчения с особенной доблестью подавляли мятежников, добавить по несколько новых вакансий для сюцаев, а в местах, больше всех потерпевших от волнений, снизить налоги. Кроме того, всемилостивейше было разрешено облегчить налоги за перевозку зерна по каналам в области Сучжоу и других, где они были особенно тяжелы. Население Сучжоу было растрогано до слез.

Через год подошел срок столичных государственных экзаменов²⁸. Даже в период военных событий книжники не переставали заниматься уставными сочинениями²⁹, готовясь к дворцовым экзаменам, – так что же говорить о времени веселых плясок и прославления мудрого государя! Словно тучи понеслись они на экзамены. Когда вывесили список прошедших испытание, невыдержавшие забрали свои пожитки и, горько рыдая, покинули столицу. Зато получившие степень цзиньши чувствовали себя как растения после обильного дождя или народ, оправившийся после бедствия. Они благодарили своих учителей, поздравляли друг друга, устраивали складчины и пили до умопомрачения.

Потом прошли дворцовые экзамены. Через три месяца стало известно, кто оказался избранным. Третьим выдержал экзамен Хуан Вэньцзай, второе место завоевал Ван Цьюань. А кто оказался первым, лауреатом? Им стал Цзинь Вэньцин родом из уезда Усянь провинции Цзянсу.

Я думаю, что граждане, незнакомые с системой экзаменов, вряд ли поймут всю ценность звания лауреата. Такое звание дается только в Китае, и то один раз в три года. Счастливцев

²⁴ Император Сяньфэн правил с 1851 по 1862 г.

²⁵ Деревня на юге Китая, где началось великое тайпинское восстание (1851–1864 гг.).

²⁶ Ученые степени в феодальном Китае присуждались на специальных государственных экзаменах. Выдержав уездные и областные экзамены, претендент получал степень сюцай, выдержав провинциальные – степень цзюйжэня, а для получения степени цзиньши нужно было выдержать дополнительно к этому столичные и дворцовые экзамены. Ученые степени давали преимущественное право для службы в академии «Лес кистей» и занятия чиновных должностей.

²⁷ Тунчжи – император, правивший в Китае с 1862 по 1874 г.

²⁸ Провинциальные, столичные и дворцовые экзамены устраивались один раз в три года.

²⁹ В программу государственных экзаменов входило преимущественно знание древних конфуцианских канонических сочинений. При маньчжурской династии сочинения должны были состоять из восьми разделов и насчитывать до семисот иероглифов.

получает его лишь в том случае, если его предки в течение ряда поколений вершили одни добрые дела, если вид женщины никогда не будил в нем дурных мыслей, если у него имеются прочные связи в столице и, конечно, если его сочинение написано мастерски. Такого человека называют бессмертным из небожителей, учеником самого Сына Неба. По таланту и уму он в три раза превосходит Су Ши и Ли Бо³⁰, не говоря уж об англичанине Бэконе или французе Руссо.

Но оставим эту тему. Расскажем лучше о чайной «Собрание изысканных», находящейся рядом с даосским храмом Источник мироздания в самом центре города Сучжоу.

Однажды в этом заведении сидели трое людей и попивали чай. Одного из них, борода-того старика, звали Пань Цэнци; он был видным человеком в Сучжоу. Другого – средних лет, с вытянутой, как у дракона, головой – звали Цянь Дуаньминь; он славился своим искусством каллиграфии. Последний – Лу Жэньсян, с маленьким круглым лицом, добился высокого мастерства в экзаменационных сочинениях.

Они считались знаменитостями в Сучжоу. Так, Лу Жэньсян выдержал провинциальные экзамены, а Цянь Дуаньминь был даже избран в императорскую академию «Лес кистей»³¹. В описываемый момент все трое были увлечены разговором.

– С нами, сучжоусцами, никто не сравнится, – говорил Пань Цэнци. – С тех пор как при Цинской династии была восстановлена система экзаменов, звание лауреата получило девятью семью человек, и из них пятьдесят пять уроженцы нашей провинции Цзянсу. А из этих пятидесяти пяти пятнадцать жили непосредственно в нашем городе. Теперь первое место на дворцовых экзаменах занял Цзинь Вэньцин из переулка Круглый пик. Молодец, не посрамил земляков!

– Земли, о которых вы говорите, в прошлом принадлежали Восточному У – государству, где процветала литература, – подхватил Цянь Дуаньминь, – не удивительно, что из Сучжоу выходят лауреаты! Но, на мой взгляд, это относится не только к нашему городу, но и к судьбам всей страны.

– Прошу пояснить, – удивленно сказал Пань Цэнци.

– Известно, что наивысшего расцвета наша династия достигла при императоре Цяньлуне³², и тогда лауреатов из Сучжоу было больше всего, – ответил Цянь Дуаньминь. – Четверо из них стали академиками всего лишь за две сессии. В этот же период появился и Цянь Сяньлин, который сумел завоевать все высшие ученые степени, хотя и не в два приема, а в три. При императоре Цзяцине было двое лауреатов. В шестнадцатом году его правления, когда снова подошел срок экзаменов, лауреатов из Сучжоу не оказалось, но зато второе, третье и четвертое места заняли сучжоусцы. Это тоже можно считать славной страницей в истории нашего города. При Даогуане был только один лауреат, который еще поддержал на некоторое время славу предков и посеял семена учености. А потом положение страны из года в год становилось все хуже. Я помню, при императоре Сяньфэне государственные экзамены проводились пять раз, но их никто не сдавал, так как в стране царил сумятица³³. – Цянь Дуаньминь сокрушенно покачал головой. – С тех пор как мой дядя Пань Цзуньинь завоевал третье место, Сучжоу забыл о лауреатах, как забыл мир мелодию «Прогулка на широком холме» после смерти Цзи Кана³⁴. Сейчас наш мудрый Сын Неба снова направил страну к процветанию, и судьба, наде-

³⁰ Су Ши (XI–XII вв.) и Ли Бо (VIII в.) – великие китайские поэты.

³¹ Академия «Лес кистей» (Ханьлинь) была основана в начале XVIII в. и представляла собой высшее научное учреждение империи. В ее обязанности входило комментирование императору конфуцианских классиков, составление государственной истории, биографий знаменитых сановников, различного рода книг, эпитафий.

³² Цяньлун (1736–1795), Цзяцин (1799–1820), Даогуан (1821–1850) – маньчжурские императоры.

³³ Имеется в виду тайпинское восстание.

³⁴ Цзи Кан – знаменитый поэт и музыкант III в.

юсь, будет улыбаться ей миллионы лет. Поэтому я заранее был уверен, что на нынешних экзаменах звание лауреата получит уроженец Сучжоу!..

– Ваши слова, господин, мудры, как гадания на основе Инь и Ян³⁵, – поддакнул Лу Жэньсян. – Я ведь учился вместе с Цзинь Вэньцином и знаю, какими редкими способностями он обладает. Не говорю уж о стиле его сочинений, но все исторические трактаты он просто знает наизусть! Например, в прошлом году я видел, как он в своем кабинете сверял «Историю династии Юань»³⁶ и твердил всякие диковинные монгольские слова. Я ничего не понимал, а он читал так бегло, что мне казалось, будто я слышу настоящую заморскую речь!

Пань Цзэнци строго посмотрел на него:

– Опомнись! Это не заморский язык. Говорят, монголы – те же маньчжуры. Разве ты не знаешь, что все родственники императора тоже носят всякие диковинные имена?

Он хотел продолжить свою мысль, но тут Цянь Дуаньминь выглянул в окно и крикнул:

– Смотрите, Го Чжаотин!

В чайную вошел стройный, худощавый человек, за которым следовал прелестный юноша с белым, словно выточенным из яшмы лицом, длинными бровями и красивыми глазами. Лу Жэньсян встал, поклонился и воскликнул, обращаясь к юноше:

– Как, Хэ Тайчжэнь тоже пожаловал?!

– Мы встретились случайно и, зная, что вы здесь, решили заглянуть, – улыбаясь, пояснил Го Чжаотин. – Сегодня вечером Се Цзефу устраивает для вас прощальный ужин у гетеры Лян Пиньчжу. Вы не забыли?

Лу Жэньсян кивнул:

– Еще рано.

Цянь Дуаньминь не расслышал, о чем говорили его компаньоны, и уловил только слова «прощальный ужин». Тогда он спросил Лу Жэньсяна:

– Куда ты собрался ехать? Почему мне ничего не известно?

– Всего лишь в Шанхай, – ответил Лу. – На днях я получил письмо от Цзинь Вэньцина. Он испросил отпуск для свидания с родителями, по дороге заехал в Шанхай и поселился в гостинице «Слава и богатство». Приглашает меня провести с ним день-другой. Я несколько раз проезжал через Шанхай, когда ездил в столицу на экзамены. Говорят, сейчас его не узнать. Туда переехали из Сучжоу две труппы куньшаньской драмы³⁷, которые зарабатывают довольно недурно. Есть там два великолепных театра столичной драмы³⁸. Открылись рестораны со столичной и анхойской кухнями. В некоторых ресторанах можно попробовать английские и французские блюда. И ни в одном из этих мест я еще не бывал!

– Шанхай, конечно, расцвел, но это не более как проходной двор, – возразил Хэ Тайчжэнь. – Там собрались главным образом странствующие знаменитости вроде каллиграфа Мо Ючжи и художника Тан Сюньбо. Ими увлекаются, слава их гремит, но мне кажется, на их произведениях лежит отпечаток торгашества. Все это значительно примитивнее старинного уставного почерка, древних писем или картин нашего земляка Жэнь Фучана.

– В Шанхае печатают книги каким-то «литографским»³⁹ способом, – заметил Цянь Дуаньминь. – Позавчера мне попался сборник самых знаменитых каллиграфов Чжили⁴⁰. Бумага прекрасная, иероглифы четкие – очень нарядное издание! Все дело в оттисках. Когда книга

³⁵ Инь – женское (отрицательное), темное начало; Ян – мужское (положительное), светлое начало; основные понятия древнекитайской натурфилософии.

³⁶ Юань (XIII–XIV вв.) – династия, установленная в Китае монголами.

³⁷ Театральный жанр, господствовавший на китайской сцене с XVI по XVIII в. и возрожденный в наши дни.

³⁸ Классическая форма музыкального театра, популярная до сих пор.

³⁹ Литография – распространилась в Китае с середины XIX в. под влиянием европейцев.

⁴⁰ Чжили – название столичной провинции в Китае.

отпечатана на хорошей бумаге и удачно оформлена, на нее и смотреть приятно, независимо от содержания.

Пань Цзэнци, слушавший оживленную беседу молодых людей, не выдержал и, подняв похожую на разрезанный арбуз пиалу с чаем, вмешался в разговор:

– Да, Шанхай теперь – средоточие богатства и роскоши. Но я слышал, что улица публичных домов проходит по самому кладбищу канцлера Сюй Да⁴¹. Он был пионером, проложившим дорогу для западной цивилизации, а после открытия шанхайского порта власти не смогли сохранить даже его склеп! Кто-то сложил стихи, полные сочувствия канцлеру:

Гуляют ватаги друзей
Вдоль улицы Баошань,

Здесь туфелек женских следы,
Здесь пудр и духов ароматы,

Но прежнего канцлера где
Покоится ныне душа?

Полкладбища – черни жилье,
Полкладбища – храмы разврата!

Разве это не прискорбно?!

– Цзинь Вэньцин возвратился из Пекина по суше или пароходом? – спросил Го Чжаотин.

– На пароходе американской компании «Рассел и К°», – отвечал Лу Жэньсян.

– Кстати, в позавчерашней газете было помещено расписание морских рейсов, – вставил Пань Цзэнци. – Корабли названы в основном по различным местам Китая, но один из пароходов, который ходит по Янцзы, называется «Конфуций»!

С минуту длилось удивленное молчание, потом раздался дружный смех.

Пока они разговаривали, солнце медленно ушло за горизонт и наступили сумерки.

– Господин Лу Жэньсян, вы пойдете к Лян Пиньчжу? – спросил Го Чжаотин. – Если хотите успеть, то уже пора!

Лу Жэньсян задорно поглядел на собеседников:

– Жаль, что Цянь Дуаньминь и Хэ Тайчжэнь никогда не нарушают своего обета, а то нам было бы еще веселее!

– О, они большие моралисты, – заметил Го Чжаотин. – Хорошо еще, что они не стремятся вас поучать, а вы хотите их соблазнить.

Хэ Тайчжэнь очень увлекался неоконфуцианской философией, с Цянь Дуаньмином его сближали общие стремления. Верные конфуцианскому морализму, они никогда не бывали у гетер, поэтому, немного посмеявшись вместе с друзьями, распрощались и ушли.

Го Чжаотин и Лу Жэньсян тоже вышли из чайной, решив пройти пешком. Недалеко от храма Гуаньди⁴² и моста Иволги их обогнал паланкин. Друзья постороились, уступая дорогу, но из паланкина вдруг выглянула миловидная женщина, которая обратилась к ним на сучжоуском наречии:

– Господа Го и Лу! Господин Се уже у меня. Прошу и вас поскорее!

Это была гетера Лян Пиньчжу.

Паланкин в одно мгновение исчез, словно унесенный ветром.

⁴¹ Китайский канцлер XIV в., завоеватель областей, находящихся к западу от Китая.

⁴² Гуаньди (Гуань Юй) – канонизированный национальный герой периода Троецарствия (III в.).

Вскоре друзья добрались до дома, где жила гетера. Действительно, Се Цзефу был уже там. Увидев гостей, он поспешно поднялся и приветствовал их.

– Я вижу, Великий благотворитель преисполнился милосердием и решил спасти несчастную девушку! – воскликнул со смехом Го Чжаотин.

Как вы думаете, почему он назвал Се Цзефу Великим благотворителем? Дело в том, что Се был весьма богат и любил помогать бедным; упомянутое прозвище дали ему жители Сучжоу, поэтому слова Го Чжаотина вызвали общий хохот.

Тем временем в комнату вошла хозяйка дома, неся на блюде тыквенные семечки. Лу Жэньсян наклонился к гетере и тихо прошептал ей на ухо:

– Волнуешься?

Лян Пиньчжу увернулась и, поставив блюдо на стол, опустилась в кресло.

– Что за шутки? Я не понимаю!

А Лу Жэньсян уже заметил в глубине комнаты дородного и невысокого человека лет сорока с круглым блестящим лицом, на котором, казалось, была написана сама искренность. Увидев Го и Лу, он расплылся в улыбке и поклонился.

– Это господин Чэн Мушэн, – представил его Се Цзефу. – Только вчера приехал из Шанхая.

Когда церемония знакомства была закончена и все уже собрались снова садиться, появился слуга и доложил:

– Его превосходительство господин Бэй!

Лу Жэньсян вскинул голову – на пороге стоял знакомый ему Бэй Юцзэн. В прошлом он занимал должность судьи в столичной провинции и во время сожжения Юаньминъюаня⁴³ сделал немало для того, чтобы заключить перемирие. Сейчас он почему-то вышел в отставку и поселился в Сучжоу.

Пока все знакомились, был накрыт стол, и Лян Пиньчжу попросила гостей выбрать себе девушек. Каждый из мужчин назвал по одной.

– А кого желает господин Бэй Юцзэн? – осведомился Се Цзефу.

– Я слышал, здесь есть девушка по фамилии Чу, ее зовут, кажется, Айлинь, – промолвил Бэй. – Она недавно приехала из Ханчжоу.

Се Цзефу записал.

– Эта Чу Айлинь немного со странностями, – задумчиво произнес Лу Жэньсян. – Мне рассказывали, что у нее масса музыкальных инструментов: двенадцатиструнная цитра, лютня, свирель, флейта; множество эстампов, каллиграфических прописей, книг, картин – на некоторых из них печати знаменитых мастеров. Есть и другие редкие вещи вроде яшмовой печатки, принадлежавшей наложнице ханьского императора. По-видимому, эта девушка из благородной, но разорившейся семьи, а может быть – бежавшая конкубина!

– Уж не печать ли это красавицы Чжао Фэйянь?⁴⁴ – предположил Го Чжаотин. – Она хранилась в коллекциях господина Гун Цзычжэня⁴⁵, и в его сочинениях есть даже стихотворение, посвященное ей.

– Перед отъездом из Шанхая я встретился с сыном Гун Цзычжэня – Гун Сяоци, – сказал Чэн Мушэн.

– Не говорите об этом человеке! – вскричал Бэй Юцзэн. – Он проданся иноземцам.

– Как же он мог так поступить? – удивился Се Цзефу. – Может быть, иноземцы посулили ему огромные богатства, раз он согласился служить им?

⁴³ Юаньминъюань – императорский дворец-парк в старом Пекине. В 1861 г., во время третьей опиумной войны, был разграблен и сожжен объединенной армией во главе с Англией и Францией.

⁴⁴ Чжао Фэйянь – любимая наложница ханьского императора Чэнди (I в. до н. э.), ставшая впоследствии императрицей.

⁴⁵ Гун Цзычжэнь (1792–1841) – китайский поэт-патриот.

– Да нет, – возразил Бэй Юцзэн, – просто характер у него странный, вечно говорит какую-то ерунду. Он считает, что лучше подарить Поднебесную иноземцам, чем оставлять ее под нынешней династией. Как вам это нравится?!

– Рассуждения его папаша тоже были весьма странными, – сокрушенно покачал головой Се Цзефу. – Недаром древняя пословица говорит: «Если отец грабитель, сын станет убийцей».

– Если таких людей не уничтожить, они нанесут непоправимый вред нашей династии! – убежденно проговорил Чэн Мушэн.

– Конечно! – подхватил Бэй Юцзэн. – Счастье, что во время войны начала шестидесятых годов Пекин защищал князь Мудрый, отличающийся дальновидностью. Тогда я был в столице и почти ежедневно встречался для переговоров с английским послом Томасом Вейдом. Только удача, которой мы пользуемся благодаря добрым деяниям наших предков, помогла нам добиться, чтобы англичане отвели свои войска от Пекина и согласились на контрибуцию и открытие нескольких наших портов для торговли. Иначе вы только представьте себе: столица оказалась бы захваченной, в провинциях бесчинствовали бы длинноволосые⁴⁶. Трудно вообразить большую смуту. Мне было очень нелегко склонить князя Мудрого на перемирие. Но теперь, когда я вижу, как спокойно и счастливо живет наш народ, я понимаю, что ради этого стоило потрудиться.

– Иными словами, – заключил Се Цзефу, – вы, господин Бэй, оказались достойным слугой династии!

– Что вы, что вы! – смущенно забормотал Бэй Юцзэн.

– А мне кажется, хотя в Поднебесной установился мир, особенно надеяться на него не приходится, – молвил Чэн Мушэн. – Силы иностранных держав растут, техники у них все прибавляется. Мы же ничего не делаем для строительства пароходов, железных дорог, электрических линий и производства пушек. Разве мы сможем устоять перед ними?!

Пока он говорил, в комнату вошли девушки. Мужчины принялись весело пить, ощущая чудесную мелодию музыки, теплоту женских улыбок и пьянящий аромат косметики. Чу Айлинь действительно оказалась очень приятной девушкой. Было ей лет двадцать, держалась она непринужденно, но когда ее попросили рассказать о своей жизни, она скромно улыбнулась. Мужчинам удалось узнать лишь, что она живет вместе с подругой и что обе они приехали из Ханчжоу. Гости быстро договорились, что после ужина отправятся к ней.

Лу Жэньсяну, который уезжал в Шанхай, нужно было собирать вещи, поэтому он вызвал носильщиков паланкина, распрощался со своими собеседниками и уехал. Но о нем пока говорить не станем.

Расскажем лучше о Цзинь Вэньцине, который, выдержав дворцовые экзамены, испросил отпуск для свидания с родителями. На пароходе, не уступавшем в скорости морскому коньку, он доехал до Шанхая, где поселился в гостинице «Слава и богатство». Здесь ему пришлось нанести визиты мэру Шанхая и другим высшим чиновникам; не обошлось, конечно, без взаимных угощений, приглашений в рестораны и театры. Кроме того, Цзинь Вэньцина постоянно навещали земляки.

В один из этих дней слуга принес Цзиню визитную карточку и добавил, что его превосходительство Фэн желает нанести ответный визит. Увидев на карточке три иероглифа: «Фэн Гуйфэн», – Цзинь поспешно поднялся и сказал:

– Проси!

Слуга подошел к дверям, встал в стороне и откинул занавеску. На пороге показался старик лет шестидесяти, с белой бородой, немного сгорбленный, но с живым, блестящими гла-

⁴⁶ Так называли в официальных кругах участников восстания тайпинов, которые не желали по приказу маньчжуров заплетать косу и брить спереди голову.

зами. Увидев Цзинь Вэньцина, он довольно засмеялся. Цзинь бросился вперед и, назвав гостя дядей, низко поклонился ему.

Когда церемонии были окончены, хозяин с гостем уселись, и коридорный внес чай. Поговорив немного о достопримечательностях столицы, старик принялся поздравлять Вэньцина.

– Твоя карьера подобна взлету дракона, – сказал он. – Ныне наступила эпоха, когда установлены связи между государствами на всех пяти материках. Прежние знания, основанные лишь на умении писать сочинения и выуживать цитаты из классических книг, теперь стали недостаточны. В свое время Конфуций перевел поздравления, представленные китайскому двору ста двадцатью иноземными государствами. Мне кажется, сейчас, как никогда раньше, необходимо изучать иностранные языки, чтобы узнать, в чем причины богатства и силы иноземцев, проникнуть в тайны звука, света, химии и электричества, производства кораблей, винтовок и пушек. Только научившись всему этому у иностранцев, мы придем к процветанию! Я слышал, что в марте прошлого года в столице открыли Школу переводчиков и набрали туда способных молодых людей. Если исходить из принципа: «Незнание даже одного предмета – позор для конфуцианца», – открытие Школы следует считать правильным. К сожалению, придворные сановники мешают ее деятельности и подают императору доносы; студентов Школы переводчиков презрительно именуют заморскими цзюйжэнями и цзиньши! Даже Во Лянфэн – наиболее крупный моралист нашего времени, – и тот выступил против. Один столичный чиновник переписал его доклад и прислал мне. Я никак не могу согласиться с ним!

Цзинь Вэньцин одобрительно кивнул.

– Ты достиг высокого положения. Тебя можно считать одним из первых людей Китая, – продолжал старик. – Но если бы ты знал иноземные государства и хорошо разбирался в современных событиях, разве ты не поднялся бы еще на одну ступень?! Я знаком с господином Сюй Сюэчэнем – великим конфуцианцем, необыкновенная ученость которого признается как у нас, так и на Западе. Его сын Сюй Ин – твой ровесник, но он не копается в сборниках сочинений для государственных экзаменов, а целыми днями изучает западные науки.

Цзинь Вэньцин собирался ответить, как вдруг появился коридорный и сообщил, что прибыл Лу Жэньсян. Когда он вошел, все обменялись несколькими вежливыми фразами: «Когда вы выехали?», «Когда прибыли?», «Где остановились?».

– Очень хорошо, что вы здесь, – заметил Фэн Гуйфэн. – В саду английского консульства открылась выставка цветов, которая по традиции устраивается в апреле каждого года. Там представлены самые удивительные и редкие растения стран Запада. Стоит посмотреть! Приглашаю вас послезавтра сходить туда вместе со мной.

Он отхлебнул два глотка чаю, встал и распрощался. Проводив Фэн Гуйфэня, Цзинь и Лу вернулись в комнату и продолжили беседу. Сначала они говорили о разных пустяках, затем стали думать, как бы лучше развлечься.

– Я уже был в кумирне Тишины и в саду семейства Сюй, – сказал Цзинь Вэньцин. – Ничего интересного. Городской сад лучше. Давай перекусим и отправимся туда!

Лу Жэньсян согласился.

Цзинь Вэньцин приказал накрыть на стол и одновременно нанять легкую коляску. Не успели они умыться и прополоскать рот после еды, как коридорный доложил:

– Экипаж подан.

Цзинь Вэньцин переоделся в новое платье и захватил с собой веер. Пропустив Лу Жэньсяна вперед, он запер дверь и сказал несколько слов слуге и коридорному. Затем он отдал ключ портье и вышел к воротам, где их ждала коляска. Кучер рванул поводья, арабский скакун светло-желтой масти сверкнул копытами, и они вихрем понеслись к реке Хуанпу. Свернув на набережную, они поехали прямо на север. Ни одной пылинки не поднималось из-под колес; перед глазами лежала гладкая, как зеркало, поверхность реки, над которой вздымался

лес мачт. Вскинув голову, друзья увидели медную статую Гордона⁴⁷, грозно нависшую над набережной. Вскоре перед коляской промелькнул высокий каменный монумент, в котором они узнали памятник, воздвигнутый в честь подавления тайпинского восстания.

Цзинь Вэньцин с Лу Жэньсяном еще продолжали оживленно болтать, как вдруг коляска остановилась. Друзья вошли в ворота сада. Внутри оказались просторные беседки, павильоны и множество удивительных растений. Цзинь и Лу присели в одной из беседок и принялись наблюдать за гуляющими, среди которых были европейцы в коротких сюртуках с твердыми воротничками; китайцы в легких рубашках и длинных халатах, перетянутых тонкими поясами, с веерами в руках; китайские и европейские женщины с насурьмленными бровями в праздничных одеждах. Неожиданно перед ними появился иностранец в сопровождении китайца лет сорока, черноглазого, с реденькой каштановой бородкой. Они также уселись в беседке и заговорили между собой на иностранном языке.

Между тем солнце склонилось к западу, деревья потемнели. Друзья медленно вышли из сада, подождали извозчика и снова поехали по набережной Хуанпу. Выхав на главную улицу, они сделали круг к Четвертой авеню, вдоль которой строились здания европейского типа, но тут навстречу им попался слуга Цзинь Вэньцина с пригласительным билетом в руках.

– Его превосходительство Сюэ просит господина немедленно прибыть в ресторан «Изысканные блюда», восьмой кабинет!

Цзинь Вэньцин понял, что его приглашает Сюэ Фужэнь из Уси, и кивнул в знак согласия. Лу Жэньсян, которому нужно было вернуться в гостиницу, вышел из коляски на Шахматной улице.

Оставшись один, Цзинь Вэньцин проехал по Шахматной, свернул на восток и остановил коляску у подъезда ресторана «Изысканные блюда». Его тут же провели в кабинет. Сюэ Фужэнь был уже там и при появлении Цзинь Вэньцина поднялся навстречу. За столом сидело еще пятеро гостей, хозяин представил их прибывшему. Один из них – Люй Цаншу – подал в свое время длинный прожект двору и даже вызвал этим милостивый императорский указ. Впоследствии он был послан в провинцию Цзянсу кандидатом на должность начальника уезда. Трое – Ли Баофэн, Ма Чжунцзянь и Ван Гунсянь⁴⁸ – слыли знатоками китайских и западных наук. Последний – Сюй Ин – тоже, несмотря на свою молодость, осваивал западные науки.

Выразив сожаление, что они не знали друг друга раньше, все уселись за стол. Официант принес меню, и гости принялись выбирать блюда. Сюэ Фужэнь приказал открыть бутылку шампанского. Вдруг за окном послышался скрип сапог. Цзинь Вэньцин поднял голову и заметил, что китаец с иностранцем, которых он видел в саду, входят в ресторан.

– Кто-нибудь знает этого человека? – указывая на китайца, спросил Сюэ Фужэнь.

Все ответили, что не знают.

– Это ведь Гун Сяоци! – промолвил Сюэ.

– Сын господина Гун Цзычжэня?!

– Совершенно верно. Когда Томасу Вейду захотелось почитать «Историю династии Хань»⁴⁹, он велел пригласить китайского учителя, но никто не решался заниматься с ним. Только Гун Сяоци осмелился, хотя не знал английского языка, и постепенно вошел в большое доверие к Вейду. Говорят, даже Юаньминъюань был сожжен по его совету.

– А этот иностранец, как мне известно, из консульства, но имени его я не знаю, – добавил Ма Чжунцзянь. – Гун Сяоци имел двух наложниц, они были его любимицами и заправляли всем домом. Когда Сяоци писал, одна из них растирала тушь, другая графила бумагу. В общем,

⁴⁷ Чарльз Джордж Гордон (1833–1885) – английский генерал, участвовал в войне Великобритании и Франции против Китая.

⁴⁸ ¹ Под этим именем в романе выступает Хуан Цзунсянь (1848–1905) – знаменитый поэт и дипломат, активный участник реформаторского движения в конце XIX в.

⁴⁹ «История династии Хань» – сочинение известного литератора и полководца Бань Гу (I в.).

жилось ему недурно. Кто мог ожидать, что в январе этого года обе наложницы сбегут?! До сих пор их ищут, но никаких следов. Удивительный случай, не правда ли?

Пока гости весело болтали, в подъезд ресторана зашел какой-то человек и послал в их кабинет свою визитную карточку. В связи с этим можно привести следующие стихи:

Нынче в гости щеголи
Шли по приглашению,

Встретились у берега
Все мужи известные.

Широта озерная,
Быстрых рек стремление, —

О, такие люди
В этом мире редкостны!

Если вы хотите знать, кто был пришедший, прочтите следующую главу.

Глава третья. Английское консульство устраивает выставку цветов. Гун Сяоци рассказывает о красавице Си Линьчунь

Вы помните, что Цзинь Вэньцин по приглашению Сюэ Фужэня приехал в ресторан «Изысканные блюда». Во время беседы какой-то человек прислал свою визитную карточку, после чего пришельца пригласили войти. Гости поднялись, уступая вновь вошедшему место. Во время знакомства выяснилось, что его зовут Юнь Хун и что он ожидает вакансии на должность старшего помощника начальника области. Юнь Хун производил впечатление знающего человека, во всяком случае речь его была необычной. За едой снова разгорелась оживленная беседа главным образом о политике, о науках в западных государствах. Цзинь Вэньцин сидел в стороне и молчал. Чувствуя себя абсолютным профаном в этих вопросах, он буквально сгорал от стыда. «Вот, занял на экзаменах первое место, считал, что прославился на всю Поднебесную, – думал он, – а стоило попасть сюда, как со всех сторон посыпались на меня заморские термины, о которых я и не слыхал! Теперь я вижу, что полагаться на полученные знания нельзя. Надо непременно изучать западные науки, побольше узнать об иноземных государствах, поработать с иностранцами – скажем, на какой-нибудь должности в Палате внешних сношений, – лишь тогда можно будет на что-то рассчитывать!»

Цзинь настолько углубился в свои размышления, что не заметил, как официант поставил перед ним пудинг, и очнулся только тогда, когда его окликнули. Он быстро съел пудинг и принялся за кофе. Официант принес счет, господин Сюэ Фужэнь подписал его, и гости, извиняясь перед хозяином за причиненное беспокойство, начали расходиться.

В гостиницу Цзинь Вэньцин вернулся на извозчике. Войдя в вестибюль, он увидел посреди него груды чемоданов. Двое людей, похожие на управляющих, на пекинском диалекте отдавали распоряжения слугам. Цзинь зашел к портю, взял у него ключ и спросил, кто хозяин этих вещей.

– Он из столицы, – доложил портю, – кажется, хочет ехать за границу, а это его сопровождающие.

Цзинь Вэньцин промолчал и возвратился в свою комнату. Больше в этот вечер не произошло ничего, о чем бы стоило рассказывать.

На следующее утро Цзинь поднялся, намереваясь в свою очередь пригласить на ужин Сюэ Фужэня и остальных. Умывшись и причесавшись, он отправился к Лу Жэньсяну и поехал вместе с ним за гостями. Вечером в ресторане «Вечная весна» был устроен ужин. После этого еще несколько дней продолжались взаимные угощения; гости посещали публичные дома, побывали в японском чайном домике и дважды посмотрели цирк Челлини.

Наконец наступил день открытия цветочной выставки, которую устраивало английское консульство. Цзинь Вэньцин и Лу Жэньсян отправились туда в коляске. Снова проехав набережную Хуанпу, они свернули в одну из улиц и оказались у ворот сада, перед которым разгуливали четверо полицейских. На траве стояло несколько десятков экипажей. К друзьям подошел иностранец, Цзинь и Лу дали ему два доллара, получили пропуска и не торопясь вошли в сад.

Ноги их ступали по нежно-зеленой траве, затянувшей землю, словно облако. По обе стороны росли низкие деревья с густо переплетенными ветвями. Сделав несколько поворотов, Цзинь Вэньцин и Лу Жэньсян внезапно увидели перед собой высокое европейское здание с поднятыми на окнах жалюзи. Множество китайцев и иностранцев с интересом заглядывали в окна первого этажа. У входа в дом, за железными перилами, покрытыми черным лаком, стояли велосипеды. По мягкому французскому ковру друзья вошли в дом, и взору их предстало множество редких цветов самых причудливых форм, собранных из разных стран. Цветы сто-

яли в разноцветных фарфоровых горшках на ступенчатых подставках, и под каждым из них была надпись на иностранном языке. На самом высоком месте красовался огромный розовый цветок, который можно было сравнить только с божественной Ян-гуйфэй⁵⁰. Длинные тычинки свисали как бахрома; гигантские листья напоминали размером тележное колесо. Цветы, стоявшие рядом, казалось, заискивающе улыбались большому цветку, признавая его превосходство. Когда Цзинь и Лу обратились с расспросами к соседям, кто-то, знающий иностранные языки, объяснил им, что этот цветок называется Виктория в честь английской королевы.

После этого Цзинь Вэньцин и Лу Жэньсян направились к павильону китайских цветов. Лучшим из них оказался большой красный пион из Янчжоу⁵¹. На выставке было представлено более десятка его разновидностей. Далее шли орхидеи, розы и прочее. Целый отдел занимала японская вишня, отличавшаяся нежностью и изяществом.

За ступенчатыми подставками друзья заметили винтовую лестницу. Поднявшись по ней, они очутились в зале, где множество посетителей ели европейские сласти и пили кофе. Ли Баофэн и Ма Чжунцзянь также были здесь. Они сидели за столиком вместе с двумя стариками и каким-то иностранцем и беседовали, но, увидев Цзинь Вэньцина и Лу Жэньсяна, тотчас поднялись, уступая друзьям места. Во время знакомства выяснилось, что иностранца зовут Фрайер и он прекрасно говорит по-китайски.

Не успели друзья сесть, как откуда-то послышалась органная музыка. Звуки то приближались, то удалялись; подхватываемые ветром, они неслись куда-то далеко-далеко. Один из стариков спросил Фрайера, будет ли сегодня танцевальный вечер.

– Консул уже разослал приглашения, – ответил Фрайер. – Должно присутствовать более ста человек. Из ваших соотечественников приглашены начальник Шанхайской области, заведующий отделом строительства и один ханчжоуский богач. Кроме того, ожидают еще сановников Чжи Гана и Сунь Цзягу, которых ваш император посылает за границу для переговоров со всеми странами, имеющими договоры с Китаем. Они выедут вместе с американским посланником Паркером из Гонконга, посетят Японию и через Тихий океан отправятся в Америку. Это первые дипломатические представители, которых ваша страна отправляет за границу! Позавчера они прибыли в Шанхай, а в июне, наверное, тронутся в путь.

«Оказывается, чиновники, которых я видел в гостинице, едут за океан!» – подумал Цзинь Вэньцин и втайне позавидовал им.

Пока они говорили, уже стемнело, и все разошлись.

Время текло быстро, словно вода. Прошел праздник начала лета⁵², и Цзинь Вэньцин вместе с Лу Жэньсяном отправились в Сучжоу. Когда человек возвращается домой в парчовых одеждах, это становится большим событием в его жизни, поэтому в семье Цзинь Вэньцина давно вывесили фонари и красивые шелковые ленты, громко играла музыка. Чиновники под балдахинами разных цветов, указывающих на их ранги, родственники и друзья в паланкинах и колясках прибывали один за другим. Вся улица была запружена ими и походила на человеческое море. Едва показался Цзинь Вэньцин, как люди, толкая друг друга, устремились к нему. Некоторые, совершенно незнакомые с ним раньше, выдавали себя за его близких друзей; те, кто прежде холодно относился к нему, сейчас перед ним заискивали. Вряд ли Чуский гегемон⁵³ в битве при Гайся был окружен так плотно, как Цзинь Вэньцин! Наконец ему удалось вырваться из этого кольца и, добравшись до главного флигеля, увидеть свою мать и жену. Разумеется, домашние искренне радовались его прибытию, лица их сияли от радости.

⁵⁰ Ян-гуйфэй («драгоценная наложница Ян») – знаменитая красавица, наложница танского императора Сюаньцзуна (VIII в.).

⁵¹ Янчжоу – округ в китайской провинции Цзянсу.

⁵² Праздник начала лета отмечается в пятый день пятого месяца по лунному календарю.

⁵³ Чуский гегемон (Сян Юй) – правитель могущественного древнекитайского княжества Чу. В 206 г. до н. э. под Гайся был окружен и разбит полководцем Лю Баном, основавшим новую династию Хань.

Не успели они рассказать Цзинь Вэньцину, что произошло за время его отсутствия, как вошел старый слуга и доложил:

– Господа Цянь Дуаньминь, Хэ Тайчжэнь и Цао Ибяо ждут вас во дворе.

Услышав о приезде друзей, Цзинь очень обрадовался и приказал слуге провести их в его кабинет.

Следует сказать, что Цзинь Вэньцин с Цао Ибяо сблизились еще десять лет назад в трудную для обоих минуту. Вместе с Цянь Дуаньмином и Хэ Тайчжэнем их называли тогда «неразлучными друзьями».

Как вы думаете, откуда пошло это прозвание?

В конце правления императора Сяньфэна, во время событий 1860–1861 годов, когда был заключен договор о мире, Сын Неба, желая успокоить людские сердца, повелел устроить в столице государственные экзамены. Сучжоу и Чанчжоу находились в руках тайпинской армии, которая не на жизнь, а на смерть вела борьбу с Великой Цинской династией. Ученые мужи и знатные люди этих областей разбежались кто куда и долго скитались на чужбине. Но ведь ученая степень – воздух для книжника. Поэтому едва ученые мужи услышали радостную весть, как все они, невзирая на таящуюся кругом опасность, бросились в столицу, чтобы испробовать свои кисти. Среди них был и Цзинь Вэньцин.

Семья его в это время спасалась от беспорядков в Шанхае. Тем не менее он внял наставлениям матери и отправился в столицу на экзамены. Главная трудность заключалась в том, что по суше дорога была закрыта, а пароходы еще не ходили, только иностранные грузовые суда, занимавшиеся перевозкой товаров, соглашались брать на борт пассажиров. Цзинь Вэньцин потратил немало сил, прежде чем попал на одно из таких судов. Там он неожиданно встретил Цянь Дуаньмина, Хэ Тайчжэня и Цао Ибяо.

Разговорившись, они выяснили, что являются земляками. К этому следует добавить, что все они были молоды, способны и во взглядах их обнаружилось много общего.

В дороге будущие ученые столкнулись с разными неприятностями, но они помогали друг другу и, естественно, сошлись еще ближе. Тут же, на корабле, они поклялись в вечной дружбе.

Добравшись до Пекина, молодые люди завязали еще несколько знакомств и вместе с новыми друзьями создали литературное общество под названием «Убежище талантов». Занимались они в нем главным образом упражнениями в восьмичленных сочинениях, собираясь каждый месяц в условленное время. Сначала они рассматривали это только как подготовку к экзаменам и стремились вдохновить друг друга. Они не думали, что после подавления тайпинского восстания литература придет в упадок и их молодые таланты произведут на столицу столь сильное впечатление. Едва кто-нибудь из них заканчивал очередное сочинение, как оно тут же переписывалось во многих экземплярах. Слава друзей росла день ото дня, даже высокопоставленные чиновники и знаменитые ученые стремились подражать им. Особенно выделялся среди членов общества «Убежище талантов» Цао Ибяо. Он не применял современных выражений, когда писал о современном, а использовал цитаты из древних классиков, историков и философов. Таким образом он поверг в прах принципы всех традиционных школ и утвердил на их развалинах свое знамя. Порою его стиль был прост и резок, как надписи на камнях, порою – красочен и возвышен, словно изречения на надгробных плитах. Когда министр Гун Пин прочитал одно из его сочинений, он хлопнул ладонью по столу и восхищенно вскричал:

– Вот уж не думал, что стиль, царивший при прежних императорах, возродится снова!

И он стал убеждать членов общества публиковать свои рукописи. С этих пор сочинения из «Убежища талантов» полились рекой и наводнили всю Поднебесную, подобно стихам Лю Юна⁵⁴. Повсюду декламировали их произведения. Не было человека, который не знал бы имени Цао Ибяо.

⁵⁴ Лю Юн – поэт XI в.

Прошло несколько лет, и члены общества сделали блестящую карьеру. Все они получили высшие ученые степени, лишь Цао Ибяо оказался обиженным. Он до сих пор оставался студентом училища «Сыны отечества»⁵⁵, так как на экзаменах его сочинений не оценили. Впрочем, он не придавал значения этим неудачам. Ему было неприятно только одно: что он не оправдал надежд матери, – поэтому каждый раз, когда устраивались экзамены, он постоянно принимал в них участие. Услышав, что Цзинь Вэньцин с победой приехал в отпуск на юг и вскоре вместе с Цянь Дуаньминем, Хэ Тайчжэнем и своими родственниками уезжает в столицу, Цао Ибяо захотел снова погулять по Пекину. Тогда он приехал из Чанчжоу в Сучжоу, желая поздравить Цзинь Вэньцина с успехом, а заодно условиться о совместной поездке, ведь чем больше спутников, тем веселее.

Цзинь Вэньцин радостно встретил друзей, а когда они поздравили его с успехом, смутился и произнес несколько скромных фраз. Цянь и Хэ видели Цзинь Вэньцина сравнительно недавно, в то время как Цао Ибяо не встречался с ним уже много лет. Гости вспомнили о старых временах, после чего Цзинь Вэньцин пригласил всех сесть и велел слуге принести чай.

Внимательно разглядывая Цао Ибяо, Цзинь Вэньцин заметил, что друг по-прежнему полон; лицо его сохранило свой розовый цвет и округлость, а глаза – живость. Хотя Цао Ибяо было уже более тридцати лет, он еще не отпускал бороды. Одетый в халат из потертого белого шелка и синюю шелковую куртку, он держал в руках расписной веер из птичьих перьев и белую яшмовую табакерку, из которой непрерывно нюхал табак. Его ноздри и верхняя губа были испещрены пятнышками, словно тигровая шкура.

– Высоко тебя занесло, Вэньцин! – улыбаясь, сказал Цао Ибяо. – Воистину, не только друзей порадовал, но и родные места прославил. Когда мы получили весть о твоём успехе, даже сон потеряли от счастья!

– Не подтрунивай надо мной, Ибяо, – остановил его Цзинь. – Что касается учености и умения писать, то среди нас четверых тебя можно сравнить с головой дракона, а меня только с хвостом! На свете часто бывает наоборот: Лу Чжаолиня поставили после Ван Бо⁵⁶; ты, равный Лю Фэну⁵⁷, не выдержал экзамена, а мне дали ученую степень! Как видишь, я не первый среди бесстыдных! – Тут он обернулся к Цянь Дуаньмину. – Не думай, что я злопыхательствую, но, по-моему, твои недавно опубликованные сочинения при всей своей популярности не годятся в подметки трудам Цао Ибяо!

– Конечно! Никто из занимающихся сейчас восьмичленными сочинениями не может тягаться с нашим другом, кроме его учителя! – подтвердил Цянь Дуаньминь.

Завязалась оживленная беседа. Разговор коснулся истоков восьмичленных сочинений, которые ведут свое начало еще от Ван Аньши⁵⁸ и Су Ши. Далее друзья перешли к их многочисленным последователям.

– Нынче все желают показать свою просвещенность и бранят восьмичленные сочинения, называя их авторов «восьмичленными одержимыми», – сказал Цао Ибяо. – В действительности же эти сочинения являются одним из прозаических жанров. Разве можно его сбрасывать со счетов?! Труды знаменитых мастеров не менее убедительны и блестящи по мысли, чем творения философов эпох Чжоу и Цинь⁵⁹, а по глубине чувства они подобны произведениям малых

⁵⁵ Училище «Сыны отечества» (Гоцзыцзянь) было основано в эпоху Цзинь (III–V вв.) для представителей знати. При маньчжурах там проводились лишь жертвоприношения в честь Конфуция и столичные экзамены. Упразднено в 1906 г.

⁵⁶ Ван Бо, Лу Чжаолинь – известные поэты эпохи Тан (VII–X вв.); Лу Чжаолинь считается лучшим.

⁵⁷ Лю Фэн – талантливый танский чиновник, который убеждал императора казнить евнухов, захвативших власть при дворе. Впоследствии евнухи помешали ему получить ученую степень.

⁵⁸ Ван Аньши – крупный поэт и государственный деятель XI в.

⁵⁹ Чжоу (XI–III вв. до н. э.), Цинь (III в. до н. э.) – династии, в период правления которых в Китае наблюдался расцвет философии.

форм эпох Вэй и Цзинь⁶⁰. Разве они уступают в чем-нибудь ханьским одам, танским стихам, сунским романсам или юаньским драмам?!

– Я помню, – молвил Хэ Тайчжэнь, – что при императоре Даогуане некто Лян Чжанцзюй по примеру бесед о стихах⁶¹ написал книгу «Сборник бесед о восьмичленных сочинениях», в которой чрезвычайно подробно рассматривал истоки этого жанра и различные течения внутри него, а Цянь Мэйси⁶² в подражание «Жемчужинам танской прозы» составил сборник лучших восьмичленных сочинений в ста томах, назвав его «Толкования классиков». К сожалению, перечисленные книги так и не были изданы. Однако взгляды их авторов полностью совпадают с точкой зрения Цао Ибяо!

– Все говорят, будто начало восьмичленным сочинениям положил Ван Аньши, – вставил Цянь Дуаньминь. – В действительности же эта честь принадлежит Хань Юю⁶³. Если вы сомневаетесь, прочтите еще раз его сочинение «Разрушение основ»...

Но не успел он договорить до конца, как в комнату быстрыми шагами вошел Лу Жэньсян.

– Вы, я вижу, заболели настоящей манией исследований! – вскричал он. – Даже восьмичленные сочинения, которые годятся только для ученой карьеры, пытаетесь ввести в литературу! Поди, уже успели забыть, что сегодня мы у Чу Айлинь отмечаем приезд Цзинь Вэньцина.

– Ой! – воскликнул Цянь Дуаньминь. – Это встреча с Цао Ибяо навела нас на разговор о восьмичленных сочинениях. Если б не ты, мы бы наверняка забыли!

На лице Цзинь Вэньцина появилось удивленное выражение.

– Друг мой, Дуаньминь, ведь ты и Тайчжэнь раньше никогда не ходили к гетерам. Давно ли вы стали следовать общей моде?

– Раньше я тоже смотрел на гетер с презрением, – промолвил Цао Ибяо. – А потом узнал, что Чу Айлинь не проститутка, которая является по первому зову. Она неплохо поет оперные арии и сочиняет стихи, совсем как героиня из «Записок у моста Баньцяо»⁶⁴. К тому же в ее доме полным-полно древних картин, сосудов, тушечниц – настоящий антиквар в юбке. Не удивительно, что Дуаньминю и Тайчжэню захотелось на нее поглядеть.

– Этот вечер мы устраиваем вчетвером, желая отметить твой приезд, – добавил Хэ Тайчжэнь. – Больше никого не приглашаем.

– Уж не та ли это Чу Айлинь, которая сбежала от Гун Сяоци? – спросил Цзинь Вэньцин. – Ты, кажется, еще в Шанхае мне о ней говорил... Она живет в переулке Трех хижин?

Лу Жэньсян кивнул.

– Тогда я обязательно пойду! – воскликнул Цзинь. – Сейчас вы пообедаете у меня и отправитесь туда. Мне же придется подождать, пока разойдутся гости.

С этими словами он приказал слуге накрыть отдельный стол в кабинете и, предоставив приятелям есть все, что им заблагорассудится, отправился занимать гостей. Вскоре четверо друзей пообедали и пустились в путь.

⁶⁰ Вэй (III в.), Цзинь (III–V вв.) – династии, при которых получили распространение эстетские стихи в прозе.

⁶¹ Беседы о стихах (шихуа) – жанр литературно-критических сочинений, появившийся в эпоху Тан.

⁶² Цянь Мэйси – чиновник и компилятор XVII в.

⁶³ Хань Юй – знаменитый поэт, прозаик и публицист VIII–IX вв., возглавивший литературное движение «За возврат к древности».

⁶⁴ «Записки у моста Баньцяо» – популярное эротическое сочинение Юй Хуая (XVII в.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.